

---

# ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

---

**M.A. Lipchanskaya**

**A Secular State in Modern Russia as a  
Factor of National Security**

The main threats to the national security of the Russian Federation in the sphere of religion are analyzed. Special attention is paid to such sources of religious security threats as religious extremism and proselytism. Given the trends of globalization, the author examines the foreign legislation and the practice of compliance with international standards of human rights, regardless of religious beliefs.

*Key words and word-combinations:* the principle of a secular state, national security, state-religious relations, human rights and freedoms.

Анализируются современные угрозы национальной безопасности России в религиозной сфере. Особое внимание уделено таким источникам угроз национальной безопасности, как религиозный экстремизм и прозелитизм. Учитывая тенденции глобализации, автором исследуется практика соблюдения международных стандартов прав человека независимо от религиозных убеждений.

*Ключевые слова и словосочетания:* принцип светскости государства, национальная безопасность, государственно-религиозные отношения, права и свободы человека.

УДК 327(470:100)

ББК 66.4(2Рос)

*М.А. Липчанская*

## СВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Впервые в конституционном развитии России светский характер государства сегодня определен в качестве одной из основ конституционного строя. Российская Федерация — одно из немногих государств мира, где принцип светскости гарантирован на конституционном уровне. Возможно, этот фактор, наряду с конституционно провозглашенной свободой совести и вероисповедания, повлиял на сложность выстраивания государственно-конфессиональных отношений в современной России, ориентированных на обеспечение национальной безопасности от всего спектра внешних и внутренних угроз в религиозной сфере.

Нельзя отрицать, что в последние десятилетия наблюдается повышение интереса к религии как со стороны государства, так и отдельных граждан. Однако этот процесс

обусловлен разнонаправленными тенденциями. С одной стороны — духовным возрождением страны, изменением религиозного сознания населения, превращением церкви в важнейший институт гражданского общества; с другой — необходимостью обеспечить конституционные права и свободы человека, неизблемость основ конституционного строя России, гарантировать безопасность от негативных явлений в религиозной сфере.

В основном стратегическом документе Российской Федерации по обеспечению национальной безопасности к внешним угрозам в религиозной сфере относятся нарушения свободы вероисповедания, проявляющиеся в религиозном экстремизме [1]. В настоящее время угрозы религиозной безопасности отнюдь не исчерпываются экстремистскими деяниями. К ним целесообразно отнести активный прозелитизм, набирающий все большее распространение на территории России и других государств.

Правовая позиция Конституционного Суда РФ относительно угрозы для общества со стороны прозелитизма высказана в постановлении от 23 ноября 1999 г. [2] и согласуется с рядом международных документов. На основе системного анализа решений Конституционного Суда России и ЕСПЧ предлагается следующее понимание прозелитизма: это деятельность религиозных объединений и отдельных граждан, несовместимая с уважением свободы мысли и совести, других конституционных прав и свобод, имеющая целью вербовку новых членов, на основе мотивации получения материальных или социальных выгод или оказания психологического давления.

Некоторые современные государства к проблеме прозелитизма относятся серьезно, ограничивая их на конституционном или законодательном уровнях. Например, Конституция Греции 1975 г. устанавливает прямой запрет прозелитизма [3]. Другие государства противодействуют этому явлению на уровне уголовного законодательства. В частности, Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. содержит ст. 216-2 «Нарушение законодательства о религиозных организациях», согласно ч. 2 которой «обращение верующих одних конфессий в другие (прозелитизм) и другая миссионерская деятельность после применения административного взыскания за такие же действия» образует состав преступления [4]. К сожалению, Уголовный Кодекс РФ не учитывает религиозные мотивы при дифференциации уголовной ответственности и квалификации преступления [5], что не совсем правильно. В уголовном законе России имеется только ст. 282, устанавливающая ответственность за направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц в зависимости от отношения к религии с использованием средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе Интернета.

Сегодня религиозная мотивация становится одной из доминирующих духовных составляющих при совершении противоправных деяний, что должно повлечь адекватное изменение системы наказаний и привлечения к ответственности.

Нельзя отрицать, что религиозная специфика отражается на закреплении в государствах прав человека, их охране и защите. Многие исламские государства придерживаются дуалистических позиций в сфере соотношения междуна-

родного и внутригосударственного права [6, с. 62], что в существенной мере обусловлено религиозным фактором. Как правило, в государствах с преобладающей исламской религией на законотворческую политику огромное влияние оказывают законы шариата, которые часто входят в резонанс с основными и универсальными нормами международного права, устанавливающими обязанности государств по защите прав человека.

Так, большинство исламских государств, входящих в ООН, к документам этой организации, затрагивающим права человека, дают множество оговорок или не ратифицируют их вовсе. Например, ратифицируя Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г., Египет внес оговорку к ст. 16, в которой провозглашается равенство мужчин и женщин в семейно-брачных отношениях, мотивируя ее необходимостью соблюдения законов шариата. Множество оговорок также было внесено исламскими государствами к Конвенции ООН о правах ребенка 1989 г., в частности, к нормам, гарантирующим детям свободу вероисповедания, устанавливающим запрет на телесные наказания и т.д. [7, с. 15].

В целом выступая за признание и соблюдение принципа равенства прав человека независимо от религиозных убеждений, можно усмотреть ценность традиционных религий в сохранении религиозной идентичности, которая в условиях глобализации, безусловно, находится под угрозой. Следует согласиться с И.А. Тарасевич, называющим одним из объектов защиты в процессе обеспечения религиозной безопасности религиозную идентичность общества [8, с. 53]. Несмотря на то что религиозная идентичность является препятствием на пути глобализационных процессов в сфере прав человека, нельзя недооценивать ее роль в нейтрализации угрозы активного прозелитизма.

Наряду с активным прозелитизмом угрозой конституционному строю России и, соответственно, национальной безопасности, является религиозный сепаратизм, развивающийся, как правило, при совпадении религиозной и этнической самоидентификации тех или иных народов. Л.А. Андреева высказывает мнение о том, что «развитию этнорелигиозных сепаратистских настроений способствует деление России на субъекты по национальному признаку. Такая модель государственного устройства опасна тем, что процессы самоидентификации тех или иных национальностей с определенной религией набирают в России обороты, тем самым многократно усиливая сепаратистские тенденции» [9, с. 79]. Сложно однозначно поддержать данную позицию, но и опровергнуть ее оснований недостаточно. Учитывая многонациональный и многоконфессиональный состав Российской Федерации, задача Российского государства в сфере обеспечения религиозной безопасности и сохранения существующего федеративного устройства с видовым составом субъектов, определенным в ст. 5 Конституции РФ, выработать новую модель государственно-конфессиональных отношений. Конечно, к ее решению необходимо подходить осторожно и взвешенно.

В качестве примера можно привести своеобразные государственно-религиозные отношения, сложившиеся в Китае. В КНР нет свободы слова и религии. Все религиозные течения, связанные с вольнодумием и философией, преследуются на государственном уровне. Попытки китайского правительства уничтожить тибетцев как религиозную группу рассматриваются мировым со-

обществом в качестве актов геноцида [10]. Сложно дать правовую оценку приказу государственного управления по делам религии КНР об управлении реинкарнациями в тибетском буддизме от 1 сентября 2007 г., согласно которому выявление новых перерождений Далай-ламы будет осуществляться по процедурам, разработанным коммунистической партией Китая, а не по канонам религии [11].

Разумеется, в отличие от КНР в Российской Федерации реализуется иная модель государственно-религиозных отношений, подвергающаяся в настоящее время определенной трансформации. Объективные изменения в религиозной сфере российского общества обуславливают выработку новых критериев обеспечения светскости современной России. Представляется, что в стране объективно назрела потребность выстраивания новой модели государственно-конфессиональных отношений, способной обеспечить национальную безопасность Российской Федерации, стабильность основ конституционного строя и соблюдение приоритета основных прав и свобод человека.

В мировой практике известны три основные модели выстраивания государственно-конфессиональных отношений: сепарационная (конституционно закрепленная в России), авторитарная и кооперационная. Сепарационная модель характеризуется установлением между государством и религиозными объединениями жестких, непрозрачных границ. Авторитарная модель отличается императивным исключительным доминированием государства в религиозной сфере. Кооперационная модель отношений реализуется при формальном отделении церкви от государства и основывается на их эффективном социальном партнерстве.

Именно третья модель, по нашему мнению, потенциально способна обеспечить более стабильное существование государств с точки зрения религиозной безопасности. Такая модель используется некоторыми странами на постсоветском пространстве, например в Грузии, где в 2002 г. подписано Конституционное соглашение между Грузинским государством и Грузинской апостольской автокефальной православной церковью [12]. Данное соглашение можно считать уникальным, поскольку в странах бывшего СССР преимущественно применяется сепарационная модель.

В практике выстраивания государственно-религиозных отношений на пространстве бывшего Советского Союза выделяется опыт Республики Беларусь, являющейся одним из важнейших стратегических партнеров Российской Федерации. В Беларуси развивается именно кооперационный принцип взаимодействия государства и религиозных объединений: на общереспубликанском уровне 12 июня 2003 г. подписано Соглашение о сотрудничестве между Республикой Беларусь и Белорусской Православной Церковью [13].

Согласно положениям этого документа, государство признает роль церкви как одного из важнейших социальных институтов, оказывающих существенное влияние на формирование духовных, культурных, национальных традиций. В свою очередь, церковь исходит из того, что институт государства выступает гарантом сохранения и преумножения этих традиций. Соглашением определяются приоритетные направления церковно-государственного взаимодействия: общественная, образовательная, культурная и творческая деятельность, охрана культурного и исторического наследия, социальное служение.

Анализируя законодательство Республики Беларусь, можно сделать вывод, что государство проводит достаточно эффективную с точки зрения обеспечения религиозной безопасности политику государственно-религиозных отношений. При этом законодательство отвечает всем международным нормам по обеспечению прав человека, защищает конституционные права граждан на свободу совести и вероисповедания.

Думается, что практика Грузии и Беларуси могла бы послужить примером для Российской Федерации в плане совершенствования конституционно-правовых принципов государственно-конфессиональных отношений.

Логично предположить, что для обеспечения национальной безопасности в религиозной сфере и наполнения адекватным содержанием конституционного принципа светскости Российского государства принципиальное значение имеет такой признак, как объективное существование определенных форм взаимодействия между государством и религиозными объединениями. Несмотря на закрепление в Конституции РФ сепарационной модели государственно-конфессиональных отношений, характерной большинству светских государств, существует мнение, что современные реалии свидетельствуют о формировании в России «мягкой кооперационной, иными словами, партнерской» модели отношений [14, с. 41]. Потенциальное развитие сотрудничества религиозных объединений и государства нацеливает, во-первых, на более четкое закрепление в действующем законодательстве конституционных принципов взаимодействия государства и религиозных объединений, во-вторых, позволяет использовать опыт религиозных институтов гражданского общества в решении социально значимых вопросов.

Таким образом, современное светское государство знаменует высокий уровень гармонизации отношений государственных и общественных институтов, религиозных объединений и личности, что является существенным фактором обеспечения национальной безопасности. К воплощению этой идеи в жизнь должна стремиться Россия.

#### Библиографический список

1. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 // СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.
2. По делу о проверке конституционности абзацев третьего и четвертого пункта 3 статьи 27 Федерального закона от 26 сентября 1997 года «О свободе совести и о религиозных объединениях» в связи с жалобами Религиозного общества Свидетелей Иеговы в городе Ярославле и религиозного объединения «Христианская церковь прославления»: постановление Конституционного Суда РФ от 23 ноября 1999 г. № 16-П // СЗ РФ. 1999. № 51. Ст. 6363.
3. Конституция Греции. URL: <http://constitutions.ru/archives/249>
4. Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. // Ведомости Верховного Совета Республики Узбекистан. 1995. № 1.
5. Уголовный Кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 16 июля 2015 г.) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; 2015. № 29 (ч. 1). Ст. 4393.
6. Хижняк В.С. Взаимодействие национального права России и международного права: конституционные основы. Саратов, 2007.
7. Никонов К. Современные теоретические аспекты международной защиты прав ребенка: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

8. *Тарасевич И.А.* Конституционно-правовые основы религиозной безопасности Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Тюмень, 2015.
9. *Андреева Л.А.* Религия и власть в России. Религиозные и квазирелигиозные доктрины как способ легитимизации политической власти в России. М., 2001.
10. Права человека в Китае. URL: <http://www.ohchr.org>
11. Заявление Его Святейшества Далай-ламы XIV Тензина Гьяцо, касательно его нового воплощения от 24 сентября 2011 г. URL: <http://dalailama.ru>
12. Конституционное соглашение между Грузинским государством и Грузинской Апостольской Автокефальной Православной Церковью / Грузинская Православная Церковь: неофициальный сайт. URL: [http://georgia.orthodoxy.ru/index.php?cat=\\_today&ii=7&jj=5](http://georgia.orthodoxy.ru/index.php?cat=_today&ii=7&jj=5)
13. Соглашение о сотрудничестве между Республикой Беларусь и Белорусской Православной Церковью. Минск, 12 июня 2003 г. // Минские Епархиальные Ведомости. 2003. № 2. С. 33–34.
14. *Терехин В.А., Мещерякова А.Ф.* Светское государство в современной России: понятие и содержание // Российская юстиция. 2010. № 3.

**К.М. Lobzov, Yu.M. Smirnova**  
**Corruption as a Threat to National Interests**

The author proposes to approach corruption crimes in Russia as treason against the interests of civil society and the State. Measures for legal regulation of the crimes as well as organizational and educational measures to combat corruption are formulated.

*Key words and word-combinations:* corruption, national threat, national security.

Предложен авторский подход к преступлениям коррупционной направленности в России как измене государственным интересам и интересам гражданского общества. Сформулирован ряд мер по правовому регулированию указанных преступлений, предложены меры организационного и воспитательного характера по противодействию коррупционных деяний.

*Ключевые слова и словосочетания:* коррупция, национальная угроза, национальная безопасность страны.

УДК 343.3  
ББК 67.408.14

*К.М. Лобзов, Ю.М. Смирнова*

## КОРРУПЦИЯ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНЫМ ИНТЕРЕСАМ

**В** настоящее время коррупция в Российской Федерации среди государственных чиновников и иных лиц приобрела характер национальной угрозы. По данным социологических опросов, 55 млн россиян признали, что им приходилось платить деньги в качестве взяток за решение собственных проблем, при этом в год граждане России расходуют на эти цели более 36 млрд долларов, а лица, занимающиеся предпринимательской деятельностью, — 33 млрд долларов [1, с. 8]. По оценкам 2011 г. [2], коррупцией в стране «съедается» 5,1% от общего объема ВПП (2008 г. — 6–7%), то есть практически весь экономический прирост, и если уровень коррупции превысит 10%, то руководство страны, как считают специалисты,